
РЕЦЕНЗИИ

«МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК» ВО ФРАНЦИИ

Boris Tarassov. Pascal et la culture russe. Paris, Classiques Garnier, coll. Univers Port-Royal, Traduction de Françoise Lesourd, 2016. 354 p.

В рецензии профессора Лионского университета (Jean Moulin), специалиста в области русской культуры, переводчика трудов русских философов и мыслителей Франсуазы Лесур (Françoise Lesourd) рассматривается французский перевод книги профессора Литературного института Б. Н. Тарасова «Мыслящий тростник», вышедший в Париже. Отмечается, что в труде всесторонне рассматривается значение творчества Паскаля для русских учёных, писателей и философов на каждом этапе его освоения (с XVIII в. до первой половины XX). Публикация этой книги на французском языке имеет то уникальное значение, что она даёт французской публике возможность составить себе конкретное представление о творениях русской духовной культуры через восприятие одного из самых известных французских мыслителей.

В октябре 2016 года в связи с появлением французского перевода книги «Мыслящий тростник» Университет Лион 3 (факультет философии, Франсуаза Лесур) организовал международную конференцию, посвящённую паскалевской проблематике. В ней участвовали Борис Тарасов, Артём Кротов (заведующий кафедрой истории культуры философского факультета МГУ), Лоран Тируэн (Loran Thirouin; профессор университета Лион 2, один из видных представителей современного паскалеведения), философы Пьер Коса (Pierre Cossat), Игорь Сокологорский. Конференцию открывал декан философского факультета Бруно Пеншар (Bruno Penchard).

1. Loran Thirouin. 2. Статья была написана по-русски. 3. В присланной ранее Степаном информации слово Edidion надо заменить на слово Traduction

Ключевые слова: Паскаль, Б. Н. Тарасов, «Мысли», А. С. Хомяков, Лев Толстой, В. В. Розанов, Павел Флоренский, Лев Карсавин, Лев Шестов.

Парижское издательство «Классик Гарнье» выпустило французский перевод книги Б. Н. Тарасова «*Мыслящий тростник*», издававшейся в Москве в 2004 и 2009 гг., о личности и творчестве Паскаля в восприятии русских писателей, поэтов, мыслителей. Можно приветствовать тот факт, что эта публикация имеет место в сугубо «паскалевском» контексте, в знаменитой серии «Univers Port-Royal», под руководством Жана Лесонье.

Если французская культура оказала значительное влияние на русскую культуру, особенно в начале XIX века, то отдельных французских мыслителей, оставивших свой ярко выраженный индивидуальный след в русской культуре, не так уж много. С этой точки зрения рядом с Паскалем стоит, пожалуй, один лишь Вольтер.

Как известно, «*Мысли*» — это собрание набросков, незаконченных записей, которые сохранились после того, как болезнь оборвала работу автора над предполагаемой «Апологией христианской религии».

Среди этих разрозненных бумаг сохранился общий план трактата, но многие записи до того обрывочны, что им трудно найти сколько-нибудь

бесспорное место в общем распорядке книги. Лишь некоторые фрагменты имеют уже законченный характер; первые издатели в основном опирались на них, чтобы придать «Мыслям» удобочитаемый облик.

В связи с обширным апологетическим проектом Паскаля, о котором многие знали, его записи подвергались разным видам классификации, в зависимости от развития и успехов текстологии. Творчество Паскаля получило широкую известность далеко за пределами Франции, но под многочисленными конкурентными формами.

Однако по мере того, как усовершенствовался текстологический подход к «Мыслям», появлялись новые версии, лучше учитывающие первоначальный замысел Паскаля (так называемые «объективные» издания Лафюма, Ле Герн, Селье). Самое чтение «Мыслей» изменилось, особенно за последние двадцать лет: новейшие исследователи усматривают в знаменитом «пари» призыв не впасть в отчаяние, но рискнуть уверовать; по их мнению, пафос утешения, умиротворения, занимает в книге гораздо больше места, чем до сих пор предполагалось.

Русские писатели и философы, о которых идёт речь в книге Бориса Тарасова, писали свои труды не позже первой половины XX века. Толстой пользовался изданием Луандр, в XX веке читатели в основном могли иметь в своём распоряжении издание Бруншвиц, самое авторитетное и самое распространённое до появления издания Лафюма. В издании Бруншвиц ярче выступают наиболее законченные части, материал распределён по темам, среди которых особенно выделяются те, которые определили некую традицию восприятия «Мыслей».

Данная традиция, прежде всего, состоит из размышлений над судьбой человека, потерянного в «жалком захолустье вселенной», обречённого на смерть, отдавшегося всевозможным развлечениям, из которых ни одно не удовлетворяет его по-настоящему. Эти размышления до сих пор не потеряли свою остроту; в них экзистенциалисты нашли один из своих источников.

Книга «Мыслящий тростник» всесторонне рассматривает значение творчества Паскаля для русских учёных, писателей и философов, на каждом этапе его освоения (с XVIII в. до первой половины XX). Публикация этой книги на французском языке имеет то уникальное значение, что она предоставляет французской публике возможность составить себе конкретное представление о творениях русской духовной культуры через восприятие одного из самых известных французских интеллектуалов.

Через отношение к личности и творчеству Паскаля, от одной эпохи к другой, просматривается общий ход русской культуры: Ломоносов ценил его как учёного, известного своими работами над измерением атмосферного давления. Вяземский хвалил его нападки на стилистические вычурности. Глава о декабристах, которые в сибирской ссылке трудились над переводом «Мыслей», отражает течение религиозных и философских идей в начале XIX века.

Прежде всего, отношение к Паскалю свидетельствует о специфических условиях, в которых сформировалось русское мышление Нового времени. Не чуждаясь новых европейских медитаций, это мышление всё-таки идёт как бы против течения, усматривает в преобладании рационализма и антропоцентризма некоторую ограниченность, испытывает тоску по утраченной

духовной полноте, когда разум и сердце не противоречат друг другу. Понятно, почему Паскаль настолько близок этим настроениям, близок славянофилам — Киреевскому с его требованием «верующего разума» и особенно всему складу мыслей Хомякова, который себя называл «сыном Паскаля».

В середине XIX века наступает период некоторого затмения паскалевского влияния, хотя французский мыслитель и не исчезает из поля зрения писателей. Но у Белинского, Чернышевского он упоминается с точки зрения истории культуры, как уже отжившее явление. Возрождение интереса к нему, в начале 1880-х годов, сопровождается формированием новой русской философии. От Розанова к Вышеславцеву обзор этой философии под углом зрения восприятия паскалевских идей представляет собой ценнейший вклад во французское знание русской культуры. Через отношение к творчеству Паскаля многое, до сих пор незнакомое французской образованности, становится внятными и понятными.

Этот ракурс позволяет познакомить читателя с таким оригинальным автором как В. В. Розанов. Помимо его отклика на новый перевод «Мыслей», приводятся яркие, характерные цитаты его произведений; они обрисовывают контекст, в котором была написана эта неопубликованная статья, а также дают возможность предугадать уникальность всего его творчества.

Павел Флоренский здесь представлен в ключевом моменте своего жизненного пути и своего творчества: ведь он пережил «огненную ночь», подобную той, во время которой Паскаль написал свой знаменитый «Мемориал». Эта ночь определила всю дальнейшую судьбу Флоренского. Но всё его умственное развитие до этой решительной ночи — увлечение точными науками и разочарование в них — уже роднит его с Паскалем.

Из мыслителей, о которых здесь идёт речь, Лев Шестов, пожалуй, единственный, которого все знают на Западе. Конечно, современные паскалеведы, говоря о Шестове, отмечают, что его работы, как и работы русских мыслителей его времени, отражают романтическое чтение Паскаля, которое считается теперь не соответствующим подлинному его замыслу, — но это чтение до сих пор далеко не исчезло, представление о личности и творчестве Паскаля меняется медленно. Мы ещё большей частью вскормлены этим романтическим восприятием. В таких текстах, как, например, «Предмет знания» Семёна Франка, образы, навеянные Паскалем, узнаются сразу, облегчают восприятие и выявление общего смысла. «Метафизика сердца» Вышеславцева прямо отсылает нас к Паскалю (а также и к Отцам Церкви). Паскаль — своего рода посредник, благодаря которому открывается конкретный доступ к русской философии.

Толстой и Достоевский давно переведены почти полностью, их все читают, и французская публика с ними хорошо знакома. Но «Мыслящий тростник» открывает новые перспективы. Этуод свидетельствует о постоянном интересе Толстого к Паскалю, о поразительном сходстве настроений позднего Толстого с размышлениями Паскаля и в то же время о радикальном несовпадении их отношений к Церкви и к вере. Он обновляет наш подход к некоторым произведениям («Смерть Ивана Ильича») или вполне раскрывает менее известную сторону его творчества — «Круг чтения».

Некоторые малоизвестные произведения Тургенева, чьи позиции с первого взгляда очень далеки от рассуждений Паскаля или даже прямо противоположны им, неожиданно показывают особую чуткость к той тревоге, которая исходит из «Мыслей».

В работе над передачей этого материала французскому читателю самым трудным моментом была глава о Тютчеве. Она имеет центральное значение, ибо паскалевское выражение «мыслящий тростник» отсылает нас к известным стихам «Певучесть есть в морских волнах...». Это не единственный раз, когда паскалевские образы встречаются в стихах Тютчева. Весь душевный склад поэта, его политические воззрения и даже его цензорская деятельность пропитаны паскалевскими противоречиями: в нём непреодолимый скептицизм, страстная привязанность к земным радостям сочетались с убеждением, что жизнь «без Бога» лишена смысла. Всем известна его фраза: «Между Христом и бешенством нет середины». Тютчев словно олицетворяет тщетность, но и неизбежность паскалевского «divertissement». В некоторой мере, преломление паскалевских антиномий в его жизни и творчестве обеспечивает конкретный доступ к пониманию русской жизни середины XIX века.

Книга Бориса Тарасова примечательна тем, что, несмотря на свой объём, она открывает множество перспектив как для русского паскалеведения, так и для ознакомления французской публики с русской духовной культурой. Хотя не все авторы, которые испытывали влияние Паскаля, здесь затронуты. Например, Лев Карсавин остался за рамками исследования.

Наряду с этим следует отметить недавний огромный том серии «Pro et contra», посвящённый Паскалю, где отводится большое место новейшим русским последователям Паскаля. Также среди систематических попыток выявить место наследия Паскаля в русской культуре назовём книгу Г. Я. Стрельцовой «Паскаль и европейская культура» (1994).

Все эти основополагающие работы открывают новые пути для дальнейших исследований. Было бы особенно интересно сравнивать переводы «Мыслей», сделанные в разное время, имея в виду, что в трудах русских философов рядом с русским термином часто фигурирует французское слово в скобках — настолько сложно передать по-русски паскалевские понятия.

Свидетельствуя о постоянном интересе к творчеству Паскаля в России и о мировоззренческих совпадениях между французским философом и русскими мыслителями, публикация «Мыслящего тростника» по-французски может, вне сомнения, ознаменовать собой новый, существенный этап в истории восприятия русской культуры во Франции.

Франсуаза Лесур